

Второй этаж. Лифт слегка задрожал, и на миг мне показалось, что он сейчас заглохнет, заперев меня в этой металлической гробнице. Но он продолжил движение, и наконец — наконец! — двери открылись на знакомый коридор третьего этажа.

Когда двери лифта разъехались, я не сразу вышел. Вместо этого я прижался к боковой стене и прислушался, напрягая слух в поисках любого звука, который мог бы указывать на опасность. Коридор тянулся передо мной, освещённый тем же резким флуоресцентным светом, что и паркинг, но больше всего нервировала тишина. Ни шаркающих шагов, ни низких стонов или рычания, ни малейших признаков жизни.

После того, что показалось вечностью, но, вероятно, длилось секунд тридцать, я наконец выдохнул и шагнул в коридор.

На этаже было всего четыре квартиры: наша, миссис Чен напротив и молодая пара в конце коридора, чьи имена я так и не удосужился узнать. Это всегда был тихий этаж, где соседи вежливо кивали друг другу, но редко обменивались чем-то, кроме дежурных фраз о погоде.

Теперь тишина была зловещей.

Как только мои ноги коснулись ковра, я заметил их — тёмные, влажные следы, ведущие от лифта к разным дверям. Некоторые были явно человеческими, но другие... другие имели какой-то волоочащийся характер, от которого по коже бежали мурашки. Бежевые стены были испещрены ржаво-коричневыми пятнами — явно кровь, — а в некоторых местах я различал отпечатки ладоней, будто кто-то в борьбе прижимался к стене.

Ноги стали ватными, пока я следовал за этим жутким следом, с нарастающим ужасом понимая, куда он ведёт. Каждый шаг приближал меня к квартире 3В — нашему дому, где мы с мамой провели последние три года после развода, где мы создали наш маленький, но драгоценный мир.

Когда я добрался до двери, худшие опасения подтвердились. Кровавая ладонь была размазана по знакомой зелёной краске, пальцы растопырены, словно в последней отчаянной попытке за что-то ухватиться. Отпечаток был маленьким, изящным — явно женским.

— Нет, нет, нет... — слова вырвались из меня, пока паника сжимала грудь. Руки дрожали так сильно, что мне понадобилось три попытки, чтобы вставить ключ в замок. Когда дверь наконец распахнулась, металлический запах крови ударил, как физический удар.

Я вошёл и сразу закрыл дверь за собой. Гостиная, всегда бывшая гордостью мамы с её аккуратно разложенными подушками и семейными фото, была в полном беспорядке. Кофейный столик перевернут, журналы и книги разбросаны по полу. Тёмные пятна тянулись по светло-жёлтым стенам, а на ковре виднелись следы, ведущие вглубь квартиры.

— Мам? — нерешительно позвал я.

Сердце колотилось так, что казалось, сейчас разорвёт рёбра. Каждый вдох был, словно я тонул, воздух казался густым и неправильным. Я знал, что найду, но какая-то отчаянная часть меня твердила, что, может, она спряталась, может, ранена, но жива, может, ещё есть время её спасти.

Я заставил ноги двигаться, следуя по пути разрушений к маминной спальне. Дверь была приоткрыта, висела под странным углом, будто её выломали с невероятной силой.

— Мам?! Это я, Райан! Ты в порядке?! — крикнул я, отбросив всякую осторожность, и распахнул дверь.

Комната была пуста. Кровать не застелена, одеяла смяты и испачканы, но мамы не было. На миг в груди вспыхнула дикая надежда. Может, она сбежала, спряталась где-то в здании, может...

Низкий, нечеловеческий звук за спиной заставил каждый волосок на моём теле встать дыбом.

Я медленно обернулся, все инстинкты кричали бежать, и оказался лицом к лицу с худшим кошмаром.

Моя мама стояла в дверях, но это была уже не она. Женщина, которая меня растила, читала сказки на ночь, бинтовала мои сбитые коленки и верила в меня, когда никто другой не верил, исчезла. На её месте было нечто, носящее её лицо, как гротескную маску.

То, что было моей мамой, представляло собой руины из рваной плоти и оголённых костей. Кожа приобрела болезненный серый оттенок, будто её держали в грязной воде. Половины живота просто не было, обнажая тёмную полость, где должны были быть органы. Укусы покрывали её руки и шею, некоторые такие глубокие, что виднелась белая кость.

Но её глаза... они разбили мне сердце. Те же тёплые карие, что я помнил, но теперь в них была лишь бессмысленная жажда, когда она уставилась на меня и издала низкий, хриплый рык.

— М-мам? — слово вырвалось как всхлип.

Она двинулась ко мне с той характерной шаркающей походкой, что я видел у других заражённых, волоча ноги по ковру. Одна лодыжка была явно сломана, вывернута под неестественным углом, но она продолжала идти с упрямой решимостью.

— Мам, это Райан, — отчаянно сказал я, отступая, пока не упёрся в стену. — М-мам...

Я протянул дрожащую руку, всё ещё веря, что человеческая связь может пробиться сквозь заразу. Но как только мои пальцы оказались в её досягаемости, она рванулась вперёд с пугающей скоростью, её зубы клацнули в сантиметрах от моего запястья.

Я успел схватить её за лицо, прижав ладонь ко лбу, чтобы держать щёлкающие зубы подальше. Она была сильнее, чем выглядела — инфекция, похоже, давала жуткую силу, — и боролась с моей хваткой с отчаянной жадностью. Её пальцы, всё ещё с лаком, который она нанесла пару дней назад, царапали мне грудь, оставляя глубокие борозды сквозь рубашку.

— Мам... почему... — выдавил я сквозь рыдания, слёзы текли по лицу, пока я смотрел в эти знакомые, но чужие глаза. — Прости... Прости, что меня не было.

Свободной рукой я нащупал резак на поясе и вытащил его, пальцы дрожали так, что я едва не выронил его. Лезвие блеснуло в свете из коридора, маленький кусок металла, который вдруг стал невыносимо тяжёлым.

Я стиснул зубы, пытаюсь унять дрожь в руке.

— Я люблю тебя, м-мам, — прошептал я. — Так сильно люблю. П-пожалуйста, прости...

Я закрыл глаза и одним быстрым движением провёл лезвием по её горлу.

Она издала жуткий звук — наполовину рык, наполовину хрип, — когда тёмная кровь хлынула. Но этого было мало. Инфекция сделала её тело устойчивым к повреждениям, которые убили бы обычного человека мгновенно. Она продолжала бороться, тянуться ко мне когтистыми руками.

Сквозь слёзы я наносил удар за ударом, каждый точный и отчаянный. Казалось, прошла вечность, прежде чем её движения начали замедляться, а жуткий свет в её глазах — угасать.

Но она всё ещё сопротивлялась.

Я собрал остатки сил и толкнул её к окну спальни.

Окно всегда заедало, требовалось усилие обеих рук, чтобы его открыть. Теперь, подстёгнутый горем и адреналином, я распахнул его легко.

— Прости, — прошептал я в последний раз, прежде чем с силой вытолкнуть её тело наружу.

Звук удара с высоты третьего этажа был влажным и окончательным, заставив меня вздрогнуть.

И затем — только тишина.

Я рухнул на колени прямо на запятнанном кровью ковре, моё тело сотрясали рыдания, идущие откуда-то глубже лёгких. Горе было физическим, давило на грудь, как бетонная плита, не

давая нормально дышать.

Я никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

Пять долгих минут я простоял на коленях, позволяя себе полностью развалиться. Я плакал о маме, о жизни, которую мы построили вместе, о разговорах, которых у нас никогда не будет, о моментах, которые мы не разделим. И плакал о себе, осознавая, что теперь я по-настоящему один в мире, который хочет меня убить.

Когда слёзы наконец иссякли, я заставил себя подняться на непослушных ногах. На комодке мамы стояла рамка с фото с моего десятого дня рождения. На нём она стояла на коленях рядом со мной, пока я задувал свечи на домашнем шоколадном торте, её рука мягко лежала на моей голове, мы оба улыбались в камеру с чистой, неподдельной радостью.

Я взял рамку и долго смотрел, запоминая каждую деталь её лица — живого, целого, счастливого. Затем аккуратно снял заднюю часть и вытащил фото, бережно сложив его и убрав в нагрудный карман, прямо над сердцем.

Практичная часть моего разума — та, что всё больше звучала как Сидни, — напомнила, что нельзя оставаться здесь, утопая в горе. Надо собрать вещи и вернуться к машине, пока что-то ещё не нашло меня.

Я нашёл старый походный рюкзак в шкафу в коридоре и начал методично его набивать. Чистая одежда, аптечка, бутылки воды из аварийного набора, который мама настояла держать. Непортящиеся продукты из кухни — батончики мюсли, консервированный суп, всё, что не испортится. Из кухонного ящика я взял большой разделочный нож, которым мама пользовалась для праздничных ужинов, взвесив его в руке. Он был куда лучше резака.

Перед уходом я позволил себе одну роскошь, которую рациональная часть меня считала опасной: душ. Горячая вода казалась очищением, смывая кровь и грязь, и на несколько драгоценных минут я мог притвориться, что готовлюсь к обычному дню. Я надел чистую одежду — джинсы, тёмную футболку и крепкие ботинки, которые мама купила для походов, в которые мы так и не сходили.

Когда я был готов, я в последний раз оглядел квартиру, бывшую нашим домом. Каждая комната хранила воспоминания: кухня, где она учила меня готовить, гостиная, где мы смотрели дурацкие фильмы и хохотали до боли в боках, её спальня, где она утешала меня после кошмаров и разбитого сердца.

Это было наше безопасное место, наш приют от мира, который часто казался враждебным. После развода, когда остались только мы вдвоём против всего, она сделала эту квартиру домом силой любви и решимости.

Теперь это была ещё одна гробница в городе, полном могил.

Я запер дверь и бросил ключ на пол в коридоре. Я не вернусь.

<http://erolate.org/book/1307/167390>